

или сидит среди рыбаков в кофейне, чем встречается с местной интеллигенцией, жаждущей разговора о «высоких материях». Вкусы его просты и демократичны: страстный любитель лошадей, он, безусловно, предпочитает опере цирк.

Но есть что-то лихорадочное в поспешной смене всех его увлечений — французской борьбой, охотой и стилем «кросс», тяжелой атлетикой и свободным воздухоплаванием. Есть что-то напряженное в этом стремительном растрачивании сил и нервов в спорте, так же как и в кутежах, которые время от времени захватывают писателя и которым он отдается с той же широтой и беззаботностью. словно в Куприне жило два человека, мало друг на друга похожих, а современники, поддавшись впечатлению одной, наиболее явной стороны его личности, оставили о нем неполную истину.

Если же мы обратимся к творчеству Куприна, то здесь бросается в глаза знаменательное противоречие: те сильные, здоровые жизнелюбцы, к которым как будто был так близок писатель по характеру своей личности, в его произведениях оттеснены на задний план, преимущественное же внимание уделено героям, имеющим с ним мало общего. Вот они перед нами — персонажи, которым Куприн доверяет все свои самые заветные мысли, сокровенные мечты, потаенные радости и страдания: подпоручик Козловский, чувствительный, сотрясающийся от рыданий, «точно плачущая женщина», при виде истязуемого солдата-татарина («Дознание»); инженер Бобров, наделенный «нежной, почти женственной натурой» («Молох»); «стыдливый... очень чувствительный» Лапшин («Прапорщик армейский»); «добрый», но «слабый» Иван Тимофеевич («Олеся»); «чистый», «милый», но «слабый» и «жалкий» подпоручик Ромашов («Поединок»). Где уж тут «неисправимый оптимист», «неистребимый дикарь», «особенное жизнерадостное здоровье»!

В каждом из этих героев повторяются сходные черты: душевная чистота, мечтательность, человеколюбие, пылкое воображение, соединенные с полнейшей непрактичностью и безводем. Но, пожалуй, яснее всего раскрываются они, освещенные любовным чувством. Все они относятся к женщине с сыновней чистотой и благоговением, даже вопреки очевидности, даже обманутые и униженные ею. «Я обожал ее, но никогда не смел ни словом заикнуться о своем чувстве. Это казалось мне святотатством», — признается герой рассказа «Святая любовь», боготворивший содержанку слюнявого старца (которого он по простоте душевной принимал за доброго дядюшку). И в очарованном прекрасной Розой уродце Столетнике, расцветающем единожды в целый век и безответно гибнущем, легко узнается все тот же самоотверженно-жалкий характер («Столетник»).

Устами армейского нищепанца Назанского («Поединок»), в одном из его бурных монологов, Куприн прямо идеализирует без-

надежное платоническое чувство: «...сколько разнообразного счастья и очаровательных мучений заключается в безнадежной любви? Когда я был помоложе, во мне жила одна греза: влюбиться в недостижимую, необыкновенную женщину, такую, знаете ли, с которой у меня никогда и ничего не может быть общего». Не так ли и сам Куприн, уже в старости, в эмиграции, в течение ряда лет 13 января — в канун старого русского Нового года — уходил в маленькое «бистро» и там один, сидя за бутылкой вина, «писал нежно и почтительно любовное письмо к женщине, которую очень мало знал, но которую любил скрытой любовью». Потребность в идеальном, очищенном от всего житейского романтическом чувстве жила в нем до конца дней.

Любовь до самоуничтожения и — даже — самоуничтожения, готовность погибнуть во имя любимой женщины — тема эта, тронутая неуверенной рукой в раннем рассказе «Странный случай», расцветает в мастерски выписанном «Гранатовом браслете». Стремясь воспеть красоту высокого, но заведомо безответного чувства, на которое «способен, быть может, один из тысячи», Куприн наделяет этим чувством крошечного чиновника Желткова. Любовная история, рассказанная им, приобретает отсвет мелодрамы. Пусть так, но она продолжает волновать сотни тысяч людей и сегодня оплакивающих невыдуманными слезами желтковскую судьбу. Недаром произведения Куприна привлекают мировой кинематограф — от созданного по мотивам «Олеси» французского фильма «Колдунья» до наших «Поединок» и «Гранатового браслета».

Романтическое поклонение женщине, рыцарское служение ей противостояли в произведениях Куприна циничному глумлению над чувством, живописанию разврата, который, под видом освобождения от мещанских условностей, проповедовали в 10-е годы Арцыбашев или Анатолий Каменский. Но в целомудрии купринских героев есть что-то надрывное, а в их отношении к женщине поражает одна странность. «Роман наш, — сообщает подруге хищная кокетка Кэт («Прапорщик армейский»), — вышел очень простым и в то же время оригинальным. Оригинален он потому, что в нем мужчина и женщина поменялись своими постоянными ролями. Я нападала, он защищался». Поменялись ролями и энергичная, волевая «полесская колдунья» Олеся с «добрим, но только слабым» Иваном Тимофеевичем («Олеся»), и умная, расчетливая Шурочка Николаева с «чистым и добрым» Ромашовым («Поединок»). Недооценка себя, неверие в свое право на обладание женщиной, желание замкнуться, уйти в себя — эти черты дорисовывают купринского героя с чуткой и хрупкой душой, попавшего в жестокий мир. Своей незащищенной ранимостью, своей способностью болезненно остро переживать любую несправедливость, тонкостью душевной организации они напоминают нам не жизнерадостного,